

Глава LVII. ИСТОЩЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДУХА

Движение 31 мая 1793 г. позволило революции закончить то, что составляло ее главную задачу: окончательное уничтожение без выкупа феодальных прав и полное освобождение страны от королевского деспотизма и управления придворной челядью. Но раз это было сделано революцией, она начала останавливаться. Народные массы хотели бы идти дальше; но те, кого революция вынесла во главу движения, либо не хотели этого, либо не смели идти так далеко. Они не хотели, чтобы революция наложила свою руку на имущества буржуазии, как она это сделала с имуществами дворянства и духовенства, а потому они стали пользоваться всем своим влиянием, чтобы затормозить и остановить, а затем раздавить более крайнее направление. Самые смелые и самые искренние из них по мере того, как они приближались к власти, становились совсем снисходительными по отношению к буржуазии, даже тогда, когда они ненавидели ее. Они заглушали свои стремления к равенству и начинали прислушиваться даже к тому, что скажет о них английская буржуазия. В свою очередь они тоже становились «государственными людьми» и старались установить сильное, централизованное правительство, которому должны были слепо повиноваться все его органы. И когда, наконец, им удалось установить такое правительство, перейдя ради этого через трупы тех, кого они нашли слишком крайними, они узнали, когда им самим пришлось подниматься на ступени эшафота, что, убив крайнюю партию, они вместе с ней убили и самую революцию.

После того как Конвент закрепил законом то, чего требовали крестьяне и что они кое-где приводили в исполнение самовольно в продолжение четырех лет, после этого народное представительство уже не в силах было предпринять никакой другой серьезной органической реформы. Если исключить меры, касающиеся военной защиты и народного образования, работа Конвента поражает с этих пор своей бесплодностью Правда, законодатели-республиканцы провели еще учреждение революционных комитетов и решились оплачивать труд санкюлотов, которые будут отдавать свое время работам в секциях и в комитетах; но эти законы демократические с вида, не представляли собой мер революционного разрушения или революционного творчества. Это было не что иное, как средство организовать власть, и то только преимущественно для борьбы с врагами внешними и внутренними.

Теперь нужно искать вне Конвента и вне Якобинского клуба, т е в Парижской коммуне, в секциях столицы и провинциальных городов и в клубе кордельеров, людей, понимающих, что победы революции можно будет упрочить, только идя дальше, вперед, и старающихся поэтому выдвинуть требования коммунистического характера, зародившиеся в народных массах.

Эти люди, прозванные за это «бешеными», анархистами, пытались организовать Францию как союз 40 тыс. коммун, находящихся в постоянном сношении друг с другом и представляющих центры жизни крайней демократии, работающие над установлением «равенства на деле», как тогда говорилось, «уравнения состояний»*. Они старались дать дальнейшее развитие зачаткам муниципального коммунизма, признанным в законе о максимуме; они пытались ввести национализацию торговли главными жизненными припасами и тем положить предел спекуляциям торговцев. Они старались, наконец, положить предел образованию больших состояний и раздробить те, которые уже скопились в одних руках.

*Развитие деятельности муниципалитетов было «последним выступлением революции, — очень верно заметил еще Минье в своей «Истории французской революции» — Преследуя цели, противоположные тому, что хотел Комитет общественного спасения, эта фракция хотела вместо диктатуры Конвента самой крайней демократии, и вместо общественного богослужения — освящения самого грубого неверия Анархия в политике и атеизм в религии — таковы были символы этой партии и средства, которыми она хотела утвердить свое преобладание» Нужно, впрочем заметить, что только часть тех, кого называли анархистами, следовала за Эбером в его походе против религии и что многие отошли от него, видя враждебное настроение умов в деревнях.

Но революционная буржуазия, дойдя до власти и пользуясь силой обоих Комитетов — общественного спасения и общественной безопасности, — влияние которых росло по мере того, как разгоралась война, революционная буржуазия раздавила тех, кого она называла «бешеными» и «анархистами» и, в свою очередь, была раздавлена 9 термидора контрреволюционной буржуазией*. Тогда после того, как крайние революционеры были уничтожены, легко уже было утвердиться правительству директории; а потом Бонапарт, овладев центральной властью, которую создали революционеры-якобинцы, без труда мог стать консулом, а впоследствии и императором.

*Под именем «Коммуны» и «анархистов» Минье подразумевал видных деятелей Коммуны, как Паша и Шометта, коммунистов, как Жак Ру, Шалье, Варле и др., и эбертистов. Так, например, он писал: «В таких условиях Робеспьер хотел пожертвовать Коммуной и анархистами. Комитеты же хотели пожертвовать Горой и умеренными. В конце концов они сговорились». Мишле, наоборот, прекрасно отделял народных коммунистов от эбертистов.

Покуда монтаньярам предстояла борьба в Конвенте с жирондистами, они искали поддержки у народных революционеров. В марте, в апреле 1793 г. они, казалось, готовы были идти очень далеко рука об руку с пролетариями. Но раз они оказались у власти, они уже думали только о создании «средней партии», стоящей на полпути между крайними и контрреволюционерами. Тогда они уже стали обращаться с представителями стремлений народа к равенству как с врагами. Они парализовали все их попытки организации в секциях и в Коммуне и раздавили их.

Дело в том, что вообще монтаньяры за весьма редкими исключениями даже не понимали нужд народа так, как это нужно было, чтобы стать партией народной революции. Человек из народа, с его нуждами, с его полуголодной семьей и с его еще смутными и

неутвердившимися стремлениями к равенству, был для них чужим человеком. Их, выросших на идеалах древнего Рима, гораздо больше интересовал отвлеченный индивидуум — член будущего демократического общества.

За исключением немногих, более крайних монтаньяров, комиссары Конвента, когда они приезжали в провинциальный город, мало интересовались вопросами труда и благосостояния народа или же равенством в пользовании наличными богатствами. Их послали, чтобы организовать отпор иностранному вторжению и поднять патриотический дух, и они действовали как чиновники демократии, для которых народ являлся элементом для осуществления видов правительства.

Если они шли прежде всего в народное общество этого города, то они делали так потому, что муниципалитет был «заражен аристократизмом» и народное общество должно было помочь им «очистить муниципалитет», чтобы организовать народную защиту и арестовать или казнить изменников.

Если они налагали тяжелые налоги на богатых, то они делали это потому, что богатые, «зараженные духом коммерции», сочувствовали фельянам или федералистам (т. е. жирондистам) и помогали неприятелю. Еще и потому, что, взыскивая эти налоги, они находили средство кормить и обувать солдат*.

*Федералистами называли жирондистов, потому что они хотели разрушить преобладание Парижа и побороть революционный дух его населения.

Если они «провозглашали равенство» в каком-нибудь городе и запрещали печь белый хлеб, заставляя всех есть черный хлеб или хлеб из бобов, то это было опять-таки для того, чтобы кормить солдат. И если комиссар Комитета общественного спасения организовал народный праздник, а потом писал Робеспьеру, что соединил гражданским браком столько-то гражданок с молодыми патриотами, то опять-таки его больше интересовала сделанная им пропаганда военного патриотизма.

Поэтому, когда читаешь письма, адресованные Конвенту его комиссарами, невольно поражаешься, находя в них так мало по вопросам, более всего интересовавшим крестьян и городских рабочих. Из 20 комиссаров только двое или трое интересовались ими*.

*Эти письма даны в *Recueil des actes du Comité de Salut public, publié par A. Aulard, v. 1—21. Paris, 1889—1911*; см. также: *Legros La Revolution telle qu'elle est. . . Correspondance du Comité de Salut public avec ses généraux, v. 1—2. Paris, 1837.*

Так, например, Конвент уничтожил, наконец, феодальные права и приказал сжечь все бумаги, касающиеся этих прав, причем уничтожение актов производилось, однако, весьма неохотно. Он позволил также сельским общинам вернуть себе мирские земли, отобранные у них под различными предлогами за последние 200 лет. Очевидно, что ускорить эти меры, привести их в исполнение на местах было бы лучшим средством пробудить в народе широкие симпатии к революции. Но в письмах комиссаров почти ничего не встречается по этому предмету*. Что же касается до чрезвычайно интересных писем молодого Жюльена, адресованных Комитету общественного спасения и его другу и покровителю Робеспьеру, то

он только один раз упоминает, что велел сжечь феодальные записи**. Об этом случайно упоминается также у Колло д'Эрбуа***.

*Письма, напечатанные в вышеупомянутых сборниках Олара и Легро, полны живого интереса во всех отношениях; но я напрасно искал в них следов деятельности комиссаров в этих двух направлениях. Только Жанбон Сент-Андре, Колло д'Эрбуа, Фуше и Дюбуа-Крансе затрагивают иногда большие вопросы, интересующие крестьян и рабочих; может быть, существуют другие письма комиссаров, мне неизвестные; но вообще можно сказать, что громадное большинство комиссаров этими вопросами не интересовалось.

**Lockroy E. Une mission en Vendee. Paris, 1893.

***Recueil des Actes du Comite de Salut public..., v. 5, p. 505.

Даже когда комиссары Конвента говорят о жизненных припасах, а им часто приходится о них говорить, они не касаются сущности вопроса. Есть только одно письмо, Жанбона Сент-Андре, от 26 марта 1793 г., которое составляет исключение; но и оно написано ранее 31 мая. Позднее Жанбон тоже обратился против более крайних революционеров*. В только что упомянутом письме (он писал его из департамента Ло-и-Гаронны, одного из самых симпатичных революции) он просил своих товарищей по Комитету не скрывать от себя опасности. «Положение таково, — писал он, — что если мы не будем иметь смелости вызвать одно из тех необычайных событий, которые поднимают общественный дух во Франции и дают ему новую силу, нужно отложить всякую надежду. Беспорядки в Вандее и соседних департаментах, конечно, внушают опасения, но они опасны только потому, что святой энтузиазм к свободе заглушен во всех сердцах. Везде устали от революции. Богатые ее ненавидят, а у бедных нет хлеба... Все те, кого прежде называли умеренными, кто шел до некоторой степени заодно с патриотами и хотел хоть какой-нибудь революции, теперь никакой не хотят... Скажем правду: они хотят контрреволюции». Даже муниципалитеты слабы или развращены во всех местностях, посещенных комиссарами.

*Письмо подписано двумя комиссарами, посланными в этот департамент: Жанбоном и Лакостом, но оно писано рукой первого.

Жанбон Сент-Андре требует поэтому мер великих и суровых. И, закончив свое письмо, он возвращается к этим мерам в приписке: «У бедных, — пишет он, — нет хлеба, а между тем в зерне нет недостатка: но только его прячут... Обязательно необходимо дать бедным средства жизни, если вы хотите чтобы они помогли вам закончить революцию... Мы думаем, что полезно было бы выпустить декрет, предписывающий всеобщий набор всего зернового хлеба (le recrutement general de tous les grains), в особенности если к нему прибавить распоряжение о зерновых складах, составляемых из избытка всех частных лиц». И Жанбон умолял Барера взять на себя почин этих мер*. Но разве Конвент интересовался этими вопросами!

*Recueil des Actes du Comite de Salut public..., v. 3, p. 533—534.

Утверждение монтаньярского правительства — вот что более всего интересовало членов Конвента. Подобно всем членам всякого правительства до революции и после нее они

искали опоры не в установлении всеобщего благосостояния и довольства, а в ослаблении, и в случае надобности в истреблении противников своего правительства. Поэтому они вскоре со страстью ухватились за террор как за средство уничтожать врагов демократической республики, но никогда не отнеслись они с такой же верой к крупным мерам экономического характера, даже тогда, когда они сами, уступая давлению минуты, провели эти меры законодательным путем.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 26 апреля 2025 18:55:30

██████████ ██████████ обновил 26 апреля 2025 18:55:55